

— Ты думаешь, это заставит меня смягчиться? — Фу Гэ резко шагнул вперёд, и тонкое лезвие канцелярского ножа уткнулось в горло Ци Ханя.

Острие царапнуло кожу, холодный металл резанул так, что из-под кончика сразу проступила тонкая алая линия. Но Ци Хань даже не дёрнулся. Только горько усмехнулся, так, будто ему уже не было дела.

— Не смягчайся... — Ци Хань криво усмехнулся, глядя на него с каким-то странным сожалением. — Прости. Семнадцать-двадцать три... Твои лучшие годы. И я их похоронил. Если бы меня не было... смог бы ты жить лучше?

Ответа не было. Только дрожащий выдох и звук, с которым лезвие впилося в кожу чуть сильнее.

Ци Хань с трудом поднял руку. Пальцы дрожали, холодные, с перепачканными кровью ногтями, и еле заметно коснулся кончика носа Фу Гэ.

— Давай... — хрипло прошептал он, уголки губ дрогнули в жалкой пародии на улыбку. — Заканчивай. Чэнь Син обо всём позаботится. Никто не заподозрит тебя. С сегодняшнего дня... просто живи, Гэ. Пожалуйста... живи спокойно.

Жить...

Как он должен жить?

Жизнь для него — не более чем бессвязный калейдоскоп кошмаров, сшитых грубой нитью, хищная тень, дышащая в затылок. Даже закрыть глаза страшно — вдруг кошмары начнут вырываться наружу?

Всё плыло перед глазами, превращаясь в искажённые ореолы света, воспалённый разум, растерзанный галлюцинациями, снова давал сбой.

— Прости... Значит, мои семь лет в твоих глазах стоят одного “прости”, да? Ты всего лишь скажешь “извини”, всплакнёшь о своём несчастном детстве — и всё, этого достаточно, чтобы смыть всё, что ты сделал?

— Ци Хань... Я, в твоих глазах, в глазах всех вас, правда настолько ничтожен?

— Нет, нет, Гэ, это не так... — Ци Хань отчаянно замотал головой, пытаясь подняться, но силы оставили его. Руки задрожали, и он едва удержался, чтобы не рухнуть обратно, вцепившись в простыню так, что костяшки побелели. — Это не так, я... я не хотел, Гэ... я... —

— Не так?! — Фу Гэ горько рассмеялся, но смех тут же сорвался на хрип, полный ненависти и отчаяния. — Да?! А как тогда, объясни мне! Ведь они все так говорили, все — и твои люди, и ты сам.

Голос дрожал, и каждая фраза отзывалась болью, будто слова рвали горло изнутри, и кровь текла не из ран, а из сердца, разорванного в клочья.

— Знаешь, что они говорили? — прорычал он, срываясь на истерику. — Что я родился у этой семьи только для того, чтобы платить за их грехи. Что я заслужил всё это. Что ты был прав, когда называл меня шлюхой и предателем.

— Они все так говорили, Ци Хань! — крик вырвался из его груди, и пальцы так стиснули нож, что суставы занули. — Все — и ты тоже!

Лезвие дрогнуло. Рука задрожала так сильно, что Ци Хань на мгновение прищурился от боли, когда металл резанул глубже.

— Если ты действительно хочешь это сделать... — тихо прошептал он, едва ли дыша. — Я не буду сопротивляться, Гэ. Только, пожалуйста... не дрожи так...

Фу Гэ не видел ничего сквозь пелену слёз. Глаза горели, ресницы дрожали, и мир плыл перед ним размытыми пятнами света. В груди будто бы разлился ледяной яд, разъедая сердце изнутри.

— За эти дни все, кого я встречал — твои друзья, твой дворецкий, даже тот телохранитель, с которым мы ели... все говорили одно и то же. — Голос был тихим, хриплым, как будто Фу Гэ давился кровью, и каждое слово было занозой в горле. — „Мол, не держи зла на Сяо Ханя, ему и так пришлось нелегко, столько всего вынести... все эти годы — кому вообще есть дело до того, что было раньше.“

Он горько усмехнулся, но смех тотчас сорвался на всхлип. Губы дрожали, и он почти беззвучно повторил эти слова, срываясь на больной, истеричный смешок:

— Неважно... То, что было со мной, — это всё неважно, да? Только твои страдания были настоящими.

— Тебя похитили, пытали, ставили эксперименты, вкалывали что-то... Ты такой несчастный, Ци Хань, тебе так было тяжело... но...

Голос оборвался, и Фу Гэ выдавил из горла хриплым, рваным всхлипом, полным боли и отчаяния. Он из последних сил стиснул зубы, чтобы не завывать от этой душившей ярости.

— Но не я же это делал!

Голос дрогнул, и он судорожно всхлипнул, ногти впились в простыню так, что побелели костяшки.

— Это не я делал! Не я! — Он тянулся к Ци Ханю, хватался за его рубашку, срывался на хриплый шёпот: — Ты же знаешь, да?! Ты же можешь сказать, что это не я!

— Я знаю, знаю... я знаю, что это не ты, Гэ. — Ци Хань опустился на колени у кровати и, почти заваливаясь от слабости, крепко прижал его к себе. Руки дрожали, плечи саднили от боли, но он только гладил его по спине, шепча: — Это не твоя вина. Это не из-за тебя. Ты ни в чём не виноват, Гэ... я всё знаю.

Фу Гэ вздрогнул и, застонав, вцепился в его рубашку так, что ткань затрещала. В глазах не было ни радости, ни облегчения — только жгучая, всепоглощающая боль и замешательство. Губы дрожали, и он, почти теряя голос, выдавил:

— Н-не виноват?..

— Но тогда почему... — Голос оборвался, сорвавшись на жалкий всхлип, и слёзы покатались ещё сильнее. — Почему тогда ты сделал это со мной... почему тогда все они делали это со мной?

Он до сих пор не понимал, не мог понять. Пять лет он гнил в этом проклятом кошмаре, который не заканчивался даже наяву, не знал, зачем это было, за что. А теперь, когда правда всплыла, в груди зияла дыра, и из неё будто тёк гной, расплываясь ядом по венам.

Фу Гэ был как ребёнок, которого долго били, а потом вдруг сказали, что всё это была ошибка. И он, не веря, тянулся к обидчику, почти заикаясь от всхлипов:

— Почему я должен был отвечать за чужие грехи?.. Почему меня надо было пытаться... почему я должен забыть обо всём этом?..

Он поднял трясущуюся руку и, в бессильной ярости указывая на себя, хрипло прохрипел:

— Потому что меня больше никому защитить, да?! Потому что у меня нет ни матери, ни отца, ни дома... у меня нет метки, у меня нет альфы... потому что у меня ничего нет, да?! — Голос дрожал, становясь всё громче, и в нём звенели и истерика, и безумие. — Потому что мне некого позвать на помощь, не на кого положиться, и даже когда я пытаюсь кричать, всем плевать, да?!

Он судорожно вздохнул, и слёзы градом покатались по щекам, горячие, как кипятки. В горле першило, язык дрожал, и слова рвались наружу, срываясь на хриплый, рваный шёпот:

— Мои крики — это истерика, мои слёзы — это притворство, а все те пять лет боли — это

просто потому, что я сам виноват, да?

Он почти захлёбывался, грудная клетка болезненно сжималась, и сердце билось так сильно, что казалось, вот-вот разорвётся.

— Это я сам виноват... это я сам выбрал вернуться к тебе, да?.. Это потому что я сам такой жалкий, что меня даже жалеть не стоит, да?..

Фу Гэ судорожно вздохнул, руки дрожали, и даже губы тряслись так сильно, что казалось, он вот-вот задохнётся. Страх вполз в каждую клеточку, пробирался ледяными когтями под кожу, и он, срываясь на хриплый всхлип, отшатнулся из объятий Ци Ханя.

— Я... я могу извиниться, — пробормотал он, и голос его дрожал, срываясь на хриплый шёпот.
— Я могу извиниться... пожалуйста, не надо просить у меня прощения... пусть лучше я попрошу прощения...

Он дрожал, как осиновый лист, судорожно хватаясь за простыню, сжимая её в побелевших пальцах, и слёзы снова покатались по щекам, горячие, как кипятки.

— Прости меня... это всё моя вина... — он всхлипнул, и голос сорвался на жалкий, рванный шёпот: — Пожалуйста... просто отпусти меня...

Жертва, извинившаяся перед палачом, молила о прощении, как будто это могло хоть что-то изменить.

В ту ночь канцелярский нож так и не успел разрезать кислородную трубку. Фу Гэ рухнул на пол без сознания, а у Ци Ханя от рывка разошлись только что наложенные швы.

Когда Чэнь Син вломился в палату с охраной и врачами, на полу валялись окровавленные простыни и тёмные капли, а оба пациента уже лежали в отключке. Врачи метались, свет в палате мигал, и все это напоминало больше поле боя, чем больничную палату.

Не прошло и недели, как Фу Гэ в очередной раз отправили на операционный стол.

Врачи провели полное обследование и наконец определили: причина очередного обморока была всё та же — осложнения после той проклятой операции по удалению метки.

Чистка была проведена не до конца. Остатки метки всё ещё впитывались в стенки, разъедая их изнутри. Оттого и провалы в памяти, и нервные срывы, и этот адский бардак в сознании, когда реальность и кошмары смешивались воедино.

Один из побочных эффектов — внезапные приступы лёгкой течи при сильном стрессе.

— Нельзя было найти другой способ? Обязательно было его запирать?

Ци Хань смотрел, как маленького бегу заталкивают в узкую изолированную палату, где он, прижавшись к кровати, замер — жалкий и дрожащий.

— У него сейчас течка, — с явным раздражением фыркнул врач. — В его состоянии это единственное решение, — безразлично ответил врач. — Снаружи полно альфа и омега, их феромоны только усугубят ситуацию.

Ци Хань побледнел, и пальцы его дрогнули, судорожно вцепляясь в дверной косяк. В памяти снова всколыхнулось, как Фу Гэ тогда, пять лет назад, лежал в жару, выгибаясь в судорогах.

Врач хмыкнул, убирая планшет с результатами обследования:

— Да и вообще... в сравнении с тем, как он переживал это раньше, теперь-то ему почти повезло.

— Повезло? — переспросил он одеревенелыми губами, и голос сорвался на тихий, полубезумный смешок.

Но врач только равнодушно пожал плечами.

— А что? Раньше-то ему приходилось по домам прятаться, в одиночку. Теперь хоть помощь какая-то есть.

Ци Хань вздрогнул, будто бы ему в грудь врезали кулаком, и больше не произнёс ни слова.

Через одностороннее стекло он смотрел, как Фу Гэ медленно сполз с кровати, подошёл к столику и начал собирать все мелочи, что там лежали: полотенце, упаковку бумажных салфеток, энергетический батончик... Потом он, как маленький, взобрался обратно на кровать, завернулся в толстое одеяло и начал одну за другой подносить к носу эти вещи, будто бы принимавался.

Глаза его светились, как будто он ждал чего-то, и маленький носик трогательно шевелился. Но стоило ему вдохнуть, как это свечение моментально гасло. Он недовольно надувал губы, словно обиженный ребёнок, и сердито спихивал все эти вещи обратно на пол.

Ци Хань сжал ладони, бледнея всё сильнее.

— Он... что он делает?.. — голос сорвался на тихий, рваный шёпот, полный тревоги и непонимания.

— Гнездо строит, — врач не то фыркнул, не то нервно усмехнулся. — У ВО (Beta-Omega) в течку это обычное дело. Они инстинктивно тянут к себе вещи с запахом партнёра, чтобы окружить себя ими. В каком-то смысле это... как у птенцов, которые ждут, когда их покормят.

Ци Хань побледнел ещё сильнее и тут же рванул к двери, пальцы судорожно вцепились в дверную ручку.

— Тогда можно я войду к нему? Я могу выпустить феромоны, успокою его!

— Нет, конечно! — врач буквально надавил на его плечо, отпихивая от двери, и натянуто объяснил, тщательно подбирая слова:

— Дело в том, что... э-э, ваш случай особенный. Вашему... эм... вашему ВО категорически не нравится ваш запах.

Ци Хань вздрогнул, будто бы его ударили по лицу.

— Не нравится...? — переспросил он одеревенелыми губами, и в голосе его звучала такая боль, что даже врач скривился от неловкости.

— Да, — неохотно подтвердил он, — когда он внезапно теряет сознание — это как раз реакция его организма на ваши феромоны. Проще говоря... вас он уже не воспринимает как партнёра и уж тем более не нуждается в вас, чтобы успокоиться.

Ци Хань застыл, пальцы всё ещё держались за дверную ручку. Руки дрожали, побелели до синевы, и ногти впились в металл так, что кончики чуть не начали кровоточить.

— Понял... — только и выдавил он, опуская голову.

Ци Хань стоял, не шевелясь, глядя через стекло на дрожащего Фу Гэ. Маленькие губы еле заметно двигались, словно он с кем-то разговаривал. Ци Хань поднял трубку внутренней связи, но едва услышал первый же шёпот — глаза моментально покраснели.

— А Хань, я ненавижу течку... — говорил Фу Гэ, не обращая внимания на невидимого наблюдателя. — У меня нет ингибиторов-подавителей. Нет денег на изолятор.

Он говорил, как в бреду, — словно два человека внутри него боролись за контроль: один ненавидел Ци Ханя до зубовного скрежета, другой всё ещё тянулся к нему, как потерявшийся ребёнок к маме.

— Доктор сказал, что изолятор поможет, но один сеанс стоит три тысячи... Я пытался заработать, рисовал на улице портреты для туристов... но рисую я плохо.

Фу Гэ замолчал, приоткрыв рот, будто бы кто-то задал ему вопрос. И после долгого раздумья, медленно, будто бы боясь признаться, шепнул:

— Если я рисую... их сжигают. Я больше не мог.

Ци Хань за стеклом побелел лицом.

А Фу Гэ продолжал говорить.

— Я долго копил деньги... потом ещё полмесяца ждал своей очереди, но мне досталась самая маленькая комната в конце коридора. Там было очень темно, но я впервые почувствовал себя в безопасности... я подумал, что течка, может быть, не так страшна.

Он сделал паузу. Глаза его снова погасли.

— Но в итоге я так и не смог воспользоваться изолятором.

Ци Хань стиснул кулаки, сердце глухо ухнуло в пустоту. Голос его сорвался:

— Почему? Почему не смог?

Фу Гэ невидяще смотрел перед собой, ресницы дрожали, и губы задрожали сильнее.

— Потому что соседний альфа сказал, что течка у беты... это ненормально, — почти неслышно пробормотал он, скребя пальцами по одеялу. — Он боялся, что я начну его партнёра соблазнять. И заплатил, чтобы мою очередь передали кому-то другому.

Он замолчал на секунду, словно запинаясь, потом снова всхлипнул и жалобно надув губы, пробормотал:

— Я знаю, что это странно... я правда не хотел никого беспокоить... я просто хотел... я просто... это же было моё место, я так долго ждал... почему они меня выгнали?

Ци Хань бессильно закрыл глаза и прижался лбом к стеклу.

По другую сторону маленький бета вдруг слабо улыбнулся.

— Но мне повезло. В тот день я всё-таки попал в лучший изолятор. Омега из соседней палаты закончил течку раньше срока и просто... отдал мне свою комнату.

— Повезло?.. — прохрипел Ци Хань, и по щекам его уже бежали слёзы. — Повезло?

Ци Хань протяжно заскулил.

Фу Гэ до сих пор помнил того омегу, который уступил ему очередь в изолятор. Очень красивого, с нежной кожей и мягкими, послушными волосами. Когда халат приоткрылся, на спине мелькнул тёмно-красный узор — пожизненная метка в форме журавля с расправленными крыльями.

Альфа того омеги нёс его на руках, поддерживая под бёдра, прижимая к себе бережно, будто любимую фарфоровую куклу. Он что-то ласково шептал на ухо, целовал в загривок, а омега, полусонный, доверчиво тёрся носом ему в шею. Даже когда они выходили в холл из изолятора, нежные ступни омеги так и не коснулись пола.

Фу Гэ тогда впервые увидел, какими могут быть отношения, в которых есть любовь. Как нежно альфа может успокаивать своего омегу. И как спокойно, безопасно омега может чувствовать себя в объятиях, даже в самый тяжёлый период.

— Они так любили друг друга, — голос Фу Гэ звучал тихо, словно он говорил сам с собой. — И его альфа тоже любил его... Врачи и медсёстры потом всё повторяли: “Какой же хороший омега, какой послушный”

Голос дрогнул, и Фу Гэ поднял глаза, глядя на невидимого Мистера Мишку. Губы дрожали, а пальцы беспомощно теребили рукав больничной пижамы.

— Я тоже буду послушным... ты тоже меня обнимешь, да? — почти неслышно пролепетал он.

Ци Хань стоял за стеклом, побелевший, как полотно. Он хотел закричать, кинуться вперёд, разбить эту чёртову преграду, но не мог пошевелиться.

А Фу Гэ медленно вытянул руку, как будто пытался дотянуться до краешка чьей-то одежды. Но пальцы хватили лишь воздух.

— Неправда... — дрожащие губы шевельнулись, выдыхая это слово, и Фу Гэ замер, мотая головой. Глаза беспомощно металась по изолятору, в поисках хоть кого-то, кто бы обнял, пожалел, объяснил, что это был лишь дурной сон.

— Я буду хорошим... мне не нужен секс, не нужны феромоны... мне ничего не надо... Просто поговори со мной... пожалуйста... Не оставляй меня одного...

Он съёжился ещё сильнее, спина промокла от испарины, а тонкие, как палочки, ноги дрожали так сильно, что Фу Гэ едва не соскользнул с кровати. Бёдра под пижамой были липкими от точки, но он не жаловался и не просил о помощи. Потому что уже давно понял — как ни плачь,

как ни молись, никто не придёт.

И вдруг дверь изолятора с тихим щелчком открылась.

Фу Гэ вздрогнул, замер, но не успел обернуться — сильные руки подхватили его, прижимая к тёплой груди.

— ...А Хань?

— Это я.

— ...Ненастоящий?

Голос у обнимавшего его человека дрожал.

— Да. Ненастоящий.

Слёзы мгновенно скатились по щекам. Фу Гэ, как маленький котёнок, ткнулся носом в его шею, губы дрожали.

— Почему ты так долго?

<http://bllate.org/book/14453/1278313>